

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

ВРЕМЯ ПОВЕРИТЬ

Сергей Орлов
Время поверить

«Автор»

2024

Орлов С.

Время поверить / С. Орлов — «Автор», 2024

Во всех существующих версиях Робинзоновских перипетий герои сюжетов всегда стремятся сбежать с острова. В этой книге герой прилагает массу усилий, чтобы остаться на необитаемом клочке суши, ибо он обрёл самый главный клад в жизни каждого из нас - Любовь. Остров — метафора проявления Любви Бога.

© Орлов С., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Сергей Орлов

Время поверить

Глава

Предисловие.

Штамп «Остров равно одиночество» в книге «Время поверить» рассматривается под другим углом и с другого ракурса. Во всех существующих версиях Робинзоновских перипетий герои историй всегда стремятся сбежать с острова. В романе «Время поверить» герои стремятся во чтобы то ни стало остаться на необитаемом клочке суши. Герои обретают на Острове самый ценный клад в своей Жизни.

Новая трактовка раскрученного персонажа - Робинзона и событий на острове, взаимоотношения героя и изображение острова с использованием современных символов. Захватывающая история на основе исторических фактов, актуальная для дня сегодняшнего, когда американские взаимоотношения с Миром вышли на другой, новый уровень своего существования. Герой книги – русский, главная героиня – американка.

Сюжет говорит о взаимоотношениях Бога и Человека. В этой истории остров – метафора проявления Любви Бога. Мы очень часто, как барашки на карусели из романа Носова «Незнайка на Луне», движимые набором стереотипов, не замечаем всего того, что нам предлагает наш Создатель.

Автор.

Смерти – нет,

её не существует!

Верно лишь тело, истинные мы, Сознание - вечны!

- ЧАСТЬ ПЕРВАЯ-

«СМЕРТЬ»

Далеко-далеко внизу простирался живой гигант – океан. Солнце подразнило наступающий вечер, показав ярко-оранжевый язык, только что скрылось за морским горизонтом. Огромное безоблачное небо молочного цвета. Постепенно, очень медленно в молоко растворялся черничный сок. У самой воды воздух был по-прежнему цвета раскалено-белого металла, остывая во всю ширь океана.

По морщинкам морской зыби переливались пятнышки света, мягкие мазки молочного отсвета на воде. Получилась ещё не лунная и в то же время уже не солнечная, но всё же дорожка света на зеркальной океанской глади. На ней кораблик - медленное пятнышко на светлой воде.

Огромная пароходная труба, величаво попыхивая белым дымом, проплыла мимо. Труба была такая важная в своей горделивой осанке, степенная в своей белизне, словно это она сама двигала огромный океанский лайнер по умиротворённому морю.

Сумерки шустро ужинали, поедая свет, быстро скрадывая очертания лайнера. На трубе, и на синей верхней палубе, и над окнами- иллюминаторами зажглось множество огоньков корабельного освещения, сделав лайнер похожим на рождественскую ёлку.

К пляжной безмятежности добавилось ощущение уютного домашнего праздника. В темноте на белой стене корабля лучи фонарей чертили белые треугольники. На палубе же свет фонарей рисовал синие акварельные круги.

В этих пятнах света с размытыми краями, палуба была прямо как днём ярко-синего цвета. Белые треугольники и синие круги, похожие в своём ритме на знаки азбуки Морзе, вереницей уходили в темноту наступившей тропической ночи.

Океанский лайнер, большой, живой, урчал желудком-двигателем где- то глубоко у себя внутри. Урчание расходилось по стальному телу лёгкой, чувствительной вибрацией. Железный гигант уверенно раздвигал вязкую темноту своим покатым боком. За кормой корабля чернильный воздух, тугой от духоты тропиков, резиново смыкался в материю непроглядной ночи.

Снизу, из-за высокого борта, доносились шелест, всплески и тихое бульканье массивной толщи воды потревоженной мощными винтами лайнера. Это были единственные звуки в стоящей густой тишине.

Вдруг, едва слышно заиграла джазовая музыка.

На пузатых боках огромной белой шлюпки медленно закружились пятнышки солнечных зайчиков. Тонкие лучи эстрадного зеркального шара проникали сюда, на палубу, через большую стеклянную дверь.

Над дверью светилась голубым неона надпись на английском языке: «BAR».

Иногда кругляшки зеркального шара попадали на синюю палубу.

Точки зеркального света синими «муравьями» взбирались на белоснежную шлюпку, становясь белыми, двигались выше, перемещались в небо, занимая там своё законное место в россыпи ярких, точно таких же белых точек Млечного пути. Небо мерцало алмазами звёзд, в горячем восходящем воздухе.

Сквозь блики на стекле входной двери, было хорошо видно концертную сцену с музыкантами. Молодой парень в светлой футболке с цифрами на груди «1989» пел, и в порыве вдохновения, закрыв глаза, касался микрофона губами. На лбу певца мелким бисером высыпали капельки пота. Музыканты совсем ещё подростки - явно студенты.

На время летних каникул, отправились в свой первый в жизни круиз решив подзаработать на публике океанского лайнера. Крупная, во всю грудь цифра «1989» одинаковая на всех разноцветных майках явно говорила о стремлении ребят показать, что они самый настоящий «мьюзик-бэнд» - ансамбль. Солист картинно замер в такт последнего аккорда песни. Из глубины бара в них полетели дружные аплодисменты и одобрителные реплики:

- Молодцы, парни! Чем ещё порадуете? – донёсся женский фальцет из темноты.

Солист вычурно произнёс в микрофон:

- Благодарю вас, господа и дама! Нам очень приятно, что вам нравится. А сейчас мы исполним композицию ныне дико популярной группы «Модерн Толкинг»! Песня называется «Братец Луи».

Публика авансом заплодировала, кто-то даже присвистнул, предвкушая удовольствие. В баре довольно людно, свободных мест немного. Оранжевые шарики маленьких абажуров на столиках едва освещают людей, сидящих в глубоких, мягких креслах.

В полумраке зала тонкие лучи зеркальных шаров пронзают слои сигаретного дыма, плывущего под потолком бара. Ярким пятном выделяется только сцена. Даже стойка бара обозначала свое местонахождение лишь мерцанием неоновых надписей алкогольных брендов. Весь бар погружен в темноту сумрака.

Очаровательное женское лицо. Ярко-красные губы выпустили тонкую струйку сигаретного дыма. Цепкий взгляд выразительных глаз эффектной молодой женщины разбирал по частям сидящего напротив собеседника. Руки, пальцы, манжеты, колени, фигура, осанка – это всё что она могла видеть. Лицо скрывала темнота.

В голове же её происходил обратный процесс. Женский мозг производил сборку из всех этих важных, для любой женщины, деталей, составляя своё собственное мнение о незнакомце, утопающем в сизом сигаретном дыме и сумраке бара. При этом красotka сидела и слушала то самое природное чувство у себя внутри. Примеряла к себе те, невидимые потоки флюидов, (психические токи) что сейчас исходили от этого таинственного мужчины, сидящего напротив.

Из всей худощавой фигуры мужчины слабый оранжевый свет абажура отчётливо выдавливал из темноты лишь только его руки с пальцами пианиста, на велюре подлокотников кресла. Очертания лица неясно проступали в полумраке, что сильно интриговало женщину. Её томило желание хоть на мгновение вытянуть его из тёмного укрытия, глубокого кресла, чтобы сравнить то, что чувствовала внутри, и то, что видела перед собой. Пока её разбирало лишь чистое любопытство, сложатся ли оба образа, витающие в её воображении в один. Женщина стремилась познать.

Красotka сидела на краешке кресла с прямой спиной, сомкнув ноги, коленка к коленке. Свет хорошо освещал её, она вся была как на витрине. Линии её изящного стана, обёрнутого в чёрное вечернее платье, отчётливо прорисованы светом настольного абажура. Она была словно тщательно вырезанной бумажной фигуркой. Только плывущие по её обнажённым плечам «зайчики» зеркального шара делали её образ объёмным и живым. Движения женщины медленны, слова она произносила неторопливо и степенно. Так нарочито говорят или светские львицы или дорогие жрицы любви. Пара сидела уже минут пятнадцать, уже успели поговорить, пошутить и неловко помолчать.

Наконец молодая женщина кокетливо улыбнулась своими инстинктам, тому, что она почувствовала сейчас в своей очаровательной головке. Она немного разобралась сама с собою - её невидимый сосед по столику явно начинал нравиться ей. Музыканты на сцене закончили петь свою очередную удачную композицию. Всё теми же вальяжными движениями, едва слышно, красивая женщина хлопнула, желая этим жестом скорее продемонстрировать свои тонкие изящные пальцы. Декорльте её тяжело закачалось. Чуть помолчав, женщина наконец произнесла, растягивая слова:

- Так вы говорите, были на Кубе? Я тоже там бывала, там роскошные пляжи.

Приятный мужской голос произнёс из темноты:

- Да, я слышал об этом.

Женщина не смогла удержать взятый ею степенный тон - удивилась:

- Слышали? Как вы могли быть на Кубе и не понежиться на роскошных кубинских пляжах? Согласитесь, это довольно трудно сделать.

Мужчина всё тем же ровным голосом произнёс:

- Я инженер-строитель, мы строили в джунглях...

Неожиданно он запнулся. В повисшей паузе отчётливо чувствовалось, что там, в темноте своего глубокого кресла, он сейчас сидит и подбирает слова, желая закончить фразу иначе.

Женщина метнула в его невидимое лицо свой взгляд, в котором, соблюдая очередность, промелькнули: любопытство, вопрос и стойкое внимание. Из темноты скороговоркой донеслось:

- В общем, мы занимались строительством в джунглях, и море удалось мне увидеть, добираясь на Кубу, да вот сейчас по дороге домой.

Мужчина через короткую паузу, взяв себя в руки, всё же не совсем ровным голосом «квадратно» строя фразу, закончил:

- Я совершенно неожиданно для себя оказался здесь, на этом роскошном лайнере. Дела мои требовали срочного присутствия дома, виза у меня заканчивалась, а мой советский теплоход ввиду поломки вынужден был зайти в порт Гонолулу. И вот, слава Богу, к огромному моему удовольствию, я здесь - трачу заработанную валюту!

Женщина, отработанным жестом подняв бровь, на этот раз ввернула шпильку довольная собою:

- Слава Богу?! - улыбнулась она одними глазами.

- Вы же коммунист, а они Бога не признают, насколько я знаю.

Одна рука мужчины растворилась в тени, по изменившейся позе стало понятно, что он упёрся подбородком в кулак. Мужчина глубоко вздохнул. Теперь вдруг его задумчивый голос выдал объёмную и от того неожиданную фразу:

- Я вырос в детдоме. Детдом наш был в стенах бывшей церкви. Я очень хорошо помню тот восторг и чувство умиротворения внутри меня, когда лёжа перед сном в кровати, разглядывал на потолке выразительные глаза святых на истёртых лицах древних фресок. С тех

«сопливых» лет и до сегодняшнего дня, пронёс я стойкое чувство, что всё-таки есть что-то и где-то, какая-то могучая и в то же время добрая и любящая сила, которая видимо и есть

Бог. Чувство есть... - он сделал паузу, вздохнул, - только вот не слышу его в себе, сколько уж ни обращался в душе к нему за помощью... тишина...

По неожиданно короткой усмешке стало отчётливо ясно, что шутить он вовсе не собирался, скорее мужчина неуклюже прятался за этот неуместный полусмешливый тон. Усмехаясь, он закончил:

– А в деда с бородой на облаке я, конечно же не верю.

И раз он свёл нас с вами за этим столиком, разрешите представиться, моё имя Сергей. Сергей Крылов!

Пушистые ресницы дрогнули. В женском взгляде блеснула мысль: «Наконец-то!» Прелестная особа вальяжно подала руку. Из сумрака глубокого кресла и сигаретного дыма сначала медленно появилась грудь в белой рубашке, потом тёмная загоревшая шея. «О! Боже!» - пронеслось молнией в голове женщины: – «Наконец-то - его лицо!» - забилося её сердце. Медленно подавшись вперёд, и всё так же не спеша Сергей взял ладонь женщины, приложился к ней губами, при этом неотрывно улыбаясь взглядом, пристально смотрел в её сияющие восторгом глаза. Наконец-то он перестал мучить её! Во взгляде её прочиталась облегчение, плавно сменившись благодарностью.

Теперь она смогла очень хорошо разглядеть этого таинственного мужчину лет 35-38, худощавой фигуры, одетого со вкусом. Одежда из-за его худобы сидела на нём немного мешковато, делая его образ несколько неуклюжим. Этот небольшой недостаток компенсировала стильная стрижка. Блондинистые волосы, основательно выгоревшие под кубинским солнцем, были цвета пшеницы. Солнце не пощадило и его кожу, прокалив её до цвета хорошо прожаренного бифштекса. Делая его голубые глаза на смуглом лице ещё выразительнее.

Античное лицо мужчины было из категории женских грёз. Он уже нестерпимо ей нравился, а когда он произнёс слова: «советский», «строительство», «Куба» и «в джунглях», на неё прямо-таки пахнуло детективной таинственностью и романтической загадочностью. Про себя она решила: «Он советский разведчик!»

От этой мысли её просто накрыла волна страсти и возбуждающее влечение к этому красавцу - мужчине.

К столику, за которым они сидели, подошёл официант, подал заказанную Сергеем пачку сигарет. Слово выполнив тяжёлую работу, голос Сергея и впрямь стал веселее, интонации расслабленные, настроение стало явно игривое.

После исключительно мужского коллектива в джунглях на острове Свободы общество женщины было для Сергея больше, чем просто милая беседа. Сергей узнал, что она француженка, имя её Мишель, здесь, на океанском лайнере, с отцом и матерью, в столь поздний час отдыхающими у себя в каюте. Они путешествуют.

Сумрак бара защищал Сергея от взгляда молодого, крепкого парня, сидевшего со своей компанией неподалёку. Теперь же, как только Сергей проявился из мрака, парень буквально вонзился в него своим колким взглядом. Метко попадая в глаза, выжигал в лице Сергея, короткие «точки-тире» какого-то своего тайного сообщения взглядом, горящим недружелюбным огнём.

Расшифровать каменность непроницаемого лица его можно было по-разному. Например, что он тоже очень не прочь завладеть этой роскошной девицей – или же...

...будь этот парень офицером разведки (любой страны) он бы смотрел на Сергея именно так - словно следил за ним и не хотел упускать из виду этого неуклюжего советского красавчика.

Каждый раз, когда Сергей наткнулся на его колючий взгляд, парень, стараясь быть незамеченным, то и дело откидывался в тень своего кресла или скрывался за тёмными спинами своих приятелей.

Когда в очередной раз хмурый «разведчик» поспешил упрятать свой жуткий взгляд, мощно качнул массивным корпусом вперёд, резво встав со своего кресла и скрывшись в темноте бара - страх сначала ухнул в животе Сергея, а потом стремительно влетел в его мозг. И уже там, в голове, белой вспышкой разорвался на клочки тревожных мыслей. Он тут же ясно вспомнил слова офицера КГБ там, в душных тропических джунглях острова Фиделя Кастро.

Скучно обставленный кабинетик. На казённом канцелярском столе потрескивал моторчиком старинный пузатый вентилятор. Бумажные ленточки на выпуклом центре лопауких резиновых лопастей вентилятора лениво болтались в расплавленном воздухе тесного помещения. В упор, лицо к лицу, возле Сергея стоял человек в армейской рубашке без погон и знаков отличия. Галстук, цвета хаки, душил его. Вены вздулись на его красной, потной шее. Лицо мокрое. Пот выступал на лбу большими каплями, резвыми струйками стекал по широким скулам к багровой шее, делая ворот рубахи, разбухшей от пота, похожим на тёмный собачий ошейник.

Под подмышками и на груди тоже расплылись тёмные пятна пота. Человек буквально таял, стекал на пол в стремлении сохранить свой глупый воинствующий, как ему казалось, устрашающий вид.

Именно для этого на рубашке не было погон. Именно поэтому в такую нестерпимую духоту он был одет по форме. Хотя ничего ему не мешало надеть просторные белые шорты и рубашку «гавайку», висевшие в маленьком дюралевом шкафчике серого цвета у него за спиной. Нет! Нельзя! Он был на работе!

Офицерский китель всё же был снят и неряшливо валялся тут же на столе. Всем своим официальным и при этом инкогнито видом КГБ - шник стремился произвести впечатление значительности и таинственности, тем самым нагнать страху на этого белобрысого гражданского инженеришку, стоящего сейчас перед ним.

Вытаращив глаза, КГБ-шник стоял и говорил глядя прямо в лицо Сергею. Иногда капельки слюны потного человека долетали до его лица, тем не менее Сергей, стоял не шелохнувшись.

Оперативник, видя, что его спектакль удаётся, млел от удовольствия. Цель достигнута - тщедушный интеллигентик струхнул.

- Товарищ Крылов, мы находимся на враждебной нам территории. Отсутствие нашего корабля в назначенное время ввиду поломки тому подтверждение. Это наверняка провокация или диверсия! Так что очень настоятельно вам рекомендую – будьте повнимательнее там!

При этом потный офицер подался ещё больше вперёд, просунул ладонь между своим носом и носом Сергея и погрозил ему пожелтевшим от табака скрюченным пальцем.

Вернувшись снова в бар, Сергей тряхнул головой, стараясь уложить, успокоить метавшиеся внутри его ошмётки страха. Поставив на столик недопитый коктейль, предложил Мишель прогуляться по палубе, подышать свежим морским воздухом. Та, кокетливо взглянув на него, охотно согласилась.

Вставая с очень низкого и глубокого кресла, Сергей не рассчитал свои силы, и потеряв равновесие, снова бухнулся на свое место, при этом резко взмахнул рукой, задев фужер с недопитым коктейлем.

По канонам сюжета классического кинематографа - стеклянный бокал непременно упал, и почти всё его содержимое выплеснулось на платье Мишель. Оба заохали, заахали - Сергей, сильно волнуясь, инстинктивно как всегда это бывает в подобных ситуациях - тянул руки к пятнам на платье, словно мог их тут же высушить жаром своих горячих ладоней. Касаясь случайно груди и бёдер Мишель, вытаращил глаза, судорожно извинялся за свою неловкость. Мишель же это маленькое происшествие не особо расстроило. Она весело засмеялась, в перекурах женского смеха слышалась неискренность.

Чувствовалось, что происшествие это - ей кстати.

Женщина явно воспользовалась, столь удачным моментом отлучиться. Мишель попросила Сергея подождать её на палубе у входа в бар, сказав, что ей нужно спуститься в свою каюту и привести себя в порядок, а может, привести в порядок свою каюту - Сергей не совсем точно понял её французского английского полного каких-то намёков и двусмысленных игривых женский взглядов.

Мишель ушла.

Сергей огляделся по сторонам. У бармена на стойке заметил цветы. Резво двинулся в сторону бара. Поравнявшись со столиком подозрительного парня, Сергей вдруг чуть замешкался. Неожиданно хмурый «разведчик», хлопнул его по загорелой руке. Из-за громкой музыки в баре, вальяжными жестами дал понять, что просит у Сергея сигарету. Этот не свойственный иностранцам поступок, окончательно убедил Сергея, что сигареты парню нужны сейчас меньше всего.

От этой мысли у Сергея снова заухало в животе, и тут же тревожно отозвалось в голове. Тем не менее, внешне владея собой, он стал нарочито неторопливо рыться в карманах своих парусиновых брюк. Достав сигареты, обнаружил, что увлечённо разговаривая с Мишель, так и не распечатал принесённую официантом пачку. Резко выдохнув, качнул недовольно головой, принялся снимать упаковочную плёнку с пачки сигарет.

От метавшихся в голове страхов, от близости этого подозрительного типа, от волнения перед романтической встречей с красоткой - руки Сергея дрожали. Ко всему прочему ему очень хотелось успеть сделать Мишель маленький сюрприз – купить цветы до её появления. Очень уж он сомневался на свой счёт. Комплексовал от своего, как он думал, непрезентабельного вида хлюпика.

«Не то, что вот этот подозрительный здоровяк - симпатяга, сидит и сверлит во мне дырки своим злобным взглядом. Сто процентов цэ-рэ- ушник! – подумал Сергей. «Неужто КГБ-шник был прав?» - юркнула склизкой страшилкой в мозг, и от того противная, мысль.

Прозрачная сигаретная плёнка не поддавалась, у него никак не получалось подцепить ногтём язычок обёртки.

«Цэрэушник» по-прежнему висел на нём своим взглядом, словно бультерьер мёртвой хваткой на жертве. Сергей бросил взгляд с ненавистной пачки сигарет в сторону бара, где стояли цветы. Изучая хрустальную вазу с тюльпанами, облегчённо выдохнул, почувствовав, что наконец одолел ненавистную упаковочную плёнку - вскрыл ее, хрустко смаял в кулаке.

Откинута крышка пачки обнаружила стиснутые одна ко одной сигареты – эта новость снова вызвал у Сергея недовольную ухмылку и тяжёлое сопение. «Вот же чёрт!» - буркнул Сергей себе под нос, недовольно скривил рот - понимая, что снова будет терять драгоценное время, вытаскивая одну плотно уложенную сигарету, он вдруг воскликнул:

- Дарю, друг!

С этими словами Сергей, неожиданно для самого себя осмелев, взял ладонь парня в свою руку и, лихо размахнувшись, впечатал в неё сигареты. Добавил при этом странную, для этого момента, нелепую фразу на русском:

- У нас, у русских - душа широкая!

Внутренне вздрогнув от такой своей нахальности, неизвестно откуда взявшейся, Сергей ринулся дальше, к цветам.

Рассчитавшись с барменом, он, внимательно изучая цветок, направился к выходу из бара. Засмотревшись на тюльпан чуть подался вперёд, и совсем не заметил, что уже вплотную подошёл к стеклянному выходу на палубу. В этот момент, романтическая парочка окутанная морской свежестью тропический ночи заходя в бар, смеясь, обнимаясь и целуясь, широко распахнула стеклянную дверь.

«Бу-у-у-ом!» - раздался глухой, стеклянно гудящий звук. Толстое стекло входной двери смачно припечаталось к голове Сергея, размазав кожу на лбу смешной лепёшкой. Но ушиб его особо не волновал.

Всё внимание романтика в мешковатой одежде было приковано к цветку и первое, что он сделал в момент удара - резко отвёл в сторону руку, чтобы дверь ненароком не погубила его драгоценность – крупный алый тюльпан. Сергей потёр ушибленный лоб, принял испуганные извинения иностранцев и вышел на палубу.

Упругий морской воздух ласково шевелил пшеницу его волос . Небо по-прежнему переливало мириадами звёзд, ярко сверкавших в этой части тропиков. Романтичность момента неожиданно обняла и убаюкала Сергея.

Он, глядя в небо, медленно подошёл к борту, положил локти на перила фальшборта, скрестив руки с изящным тюльпаном над тёмной водой. Романтик всё ещё критически осматривал пухлый бутон, элегантные плавные линии стебля и узенькие «лодочки» зелёных листьев. Наконец, убедившись в правильности своего выбора, слегка отвёл элегантный цветок от себя, наклонив его в сторону моря.

Лицо его расплылось в мягкой улыбке. Живущий в нём художник, легко выпорхнул из растаявших страхов, и уже умиротворённо любовался тюльпаном на фоне мерцающей лунной

дорожки как художественным произведением. Для полноты картины образа «Цветок и ночное море» не хватало только багета, рамы в золочёных вензелях.

В баре появилась Мишель.

Сексуальное вечернее платье сменила лёгкая, теперь и вовсе не целомудренная туника. Теперь стройные бёдра были едва прикрыты. Декольте сложно было назвать таковым. Округлости груди прикрывали два махоньких кусочка золотой материи. Золото струйками тонких бретелек ниспадало, открывая взору голую спину, до самого неприличного места, открыто говоря, что нижнее бельё дизайнером этого «чудо-наряда» явно не предусматривалось.

Откровенный донельзя внешний вид Мишель сложно было назвать элегантным. В воздухе словно запахло прокисшим апельсином. Вся эта золотая материя кичливо блестела, искрилась светом, словно под этим маленьким кусочком ткани были где-то спрятаны батарейки.

Зеркальные зайчики эстрадных шаров, медленно блуждая по залу, сталкивались с золотом миниатюрной фигурки Мишель и, отражаясь от неё, вмиг разлетались мелкими жёлтыми брызгами во все стороны, теряясь в темноте бара. Где бы она ни прошла: мимо столов, людей, стойки бара – везде она обильно и непомерно расточительно расплёскивала вокруг себя эти золотые «брызги шампанского». Молодая, красивая женщина словно собралась на пляж. Ничем не стеснённые груди вздрагивали при каждом дробном звуке её шпилек по чёрному мраморному полу.

Мишель, сосредоточенно глядя перед собой, подошла к стойке бара, зачем-то украдкой обернулась. Взгляд её говорил: «Не видит ли кто?» Открыла такой же отделанный золотом клатч, коротким движением руки что-то подала бармену. Цветы на стойке закрыли предмет. Женщина снова как-то подозрительно робко оглянулась. Музыканты на сцене заиграли какую-то серьёзную мелодию.

«Бу-у-ум! Бум-бум! Бум!» - солирующий контрабас выдавал ритм, полный напряжения и тревоги. Мишель что-то сказала бармену, тот с непроницаемым видом коротко понимающе кивнул, бросив тяжёлый взгляд, прямо в глаза Мишель. Набирающий темп суровый контрабас заглушил слова женщины, она что-то ещё быстро произнесла. Бармен блеснул глазами, словно услышал от женщины слово-пароль. Точёными ноготками своих изящных пальчиков Мишель отстукала по стойке ритм вслед за жутким контрабасом – напряжение мелодии передалось и ей. Бармен ушёл. Женщина снова воровато оглянулась.

Лунный свет очерчивал тёмный силуэт Сергея тонким мягким контуром. Светлая голова светилась шариком белого одуванчика на тонкой шее. Подушечкой пальца он тронул капельку воды на зелёном срезе стебля. Медленно провёл пальцем вверх до красных упругих лепестков, размазывая влагу. Собираясь взять цветок пальцами этой же руки, Сергей ещё не дотронулся до стебля, но уже разжал пальцы той руки, что держали тюльпан.

В этот самый момент пухлый красный бутон выскользнул из рук Сергея. Видя это как в замедленной съёмке - он, смешными движениями рук, словно мартышка, старался аккуратно подхватить, а затем понимая что промахивается, и вовсе просто, грубо ухватить нежный цветок.

Его жонглёрских ухищрений хватило лишь на то, чтобы тюльпан не упал в море, а приземлился тут же, у ног Сергея, только по ту сторону борта, на самый край водосточного желобка

палубы. Высокое корабельное ограждение фальшборт, доходило - ему почти до солнечного сплетения. «Эх, высоко!» - блямкнула мысль в голове. Сергей стоял и в оцепенении смотрел, на лежащий по ту сторону жизни тюльпан. Лепестки бутона дробно подрагивали на ветерке.

Цветок словно испуганно дрожал, натерпевшись жути от своих акробатических кульбитов, и той чёрной бездны, что была сейчас под ним.

Вставшие домиком брови на лбу Сергея в мольбе к небесам говорили о том, что человек принимает какое-то сложное для себя решение. Сергей страдал!

Казалось бы, чего проще, пойди и купи новый цветок.

Но желание очаровать Мишель тюльпаном, как маленьким сюрпризом, вынуждало его ум метаться бешеной обезьяной в клетке в принятии решения. «Лезь!», «Лезь!», «Лезь!» – заужжала в мозгу какая-то чужая, навязчивая, липкая мысль.

На мгновение замерев, Сергей всё же перегнулся через борт и медленно протянул руку. Увы, борт слишком высок! Всё ещё сомневаясь в правильности своего решения, оглянулся, посмотрел через стеклянную дверь, на барную стойку с цветами. Подумал: «Так... плохо дело. Интересно, успею я купить ещё цветок?»

И снова это настойчивое: «Лезь!», «Лезь!», «Лезь!» - Сергей поморщился, отгоняя эту противную «мысль-муху». Взгляд его блуждал по вазе с цветами на барной стойке. Среди бутонов цветов увидел лицо Мишель. Он понял - чтобы его маленький сюрприз получился - нужно перегибаться за борт.

Мишель, ожидая бармена, вертела очаровательной головкой по сторонам. Каждое её движение отзывалось в её теле. Ничем не стеснённое, оно всё целиком соблазнительно покачивалось, колыhalось, подрагивало. В проёме входной стеклянной двери бара она заметила Сергея, стоящего к ней спиной. Почувствовав взгляд Мишель, он обернулся, улыбнулся, но улыбка тут же сошла с его лица и превратилась в мину млеющего идиота. Мишель поняла - цель достигнута, её наряд окончательно лишил разума её жертву.

Сергей, очнувшись от магически полуодетого тела Мишель, резко взметнул руку, призывно помахал ей. Она ответила ему своей медленной, чопорной улыбкой - кивнула. Через секунду Мишель вдруг метнула взгляд в сторону того, столь недружелюбно настроенного «разведчика». Они встретились какими-то секретными взглядами всего лишь на мгновение.

«Ударная волна» её наряда, нацеленная на одного, имела в разы большую мощь поражения. «ЦРУ-шник» пялился на неё своими красивыми глазами с таким же лицом, как секунду назад это делал Сергей, вмиг потеряв всякий разум и превратившись в этакое большого глупого медвежонка. Взрывная волна «Секс-бомбы» снесла голову с плеч и этому бедолаге.

Мишель подумала: «Сегодня у меня выходной. Буду сегодня отдыхать и делать то, что хочется – мне!». Утвердительно кивнув своим мыслям, она резво отвернулась, голой спиной чувствуя похотливый взгляд

«животного» в модной рубашке, сверкающего золотыми часами на руке "ЦРУ-ушника".

Помахав Мишель, Сергей сражённый её «золотым откровением», с ещё большей уверенностью взялся за дело. Слева, в шаге от себя на фальшборте он заметил спасательный круг, висящий со стороны моря, за бортом. Неожиданно он воодушевлённо хмыкнул.

Отчего-то этот предмет индивидуального спасения на воде придал Сергею уверенности. Он чуток подпрыгнул, чтобы заскочить на борт, навалился животом на отполированное дерево перил. Носки его туфель слегка оторвались от палубы, он висел перпендикулярно борту, став похожим на живые весы. Аккуратно балансируя, попеременно перевешивали то туфли, то голова.

Соображал он сейчас плохо. В голове яркими вспышками раздевался и одевался золотой силуэт Мишель. Временами возбуждённый мозг подкидывал и такую картинку: «Мишель, абсолютно обнажённая, сама вся из золота, медленно пританцовывает, сверкает в ярких лучах золотого света». Именно эти мысли, будоражащие сейчас его голову и не только - загнали его в столь нелепую и для его дела явно неэффективную позу. Сергей висел головой вниз, на большой высоте, в ночной черноте.

И снова эта противная трель в голове, явно какая-то чужая, посторонняя мысль-команда: «Лезь!», «Лезь!», «Лезь!»

- Да, лезу же я! – огрызнулся вдруг Сергей неизвестно кому.

Левой рукой он уже опирался не на фальшборт, а на висящий чуть ниже спасательный круг. Пальцы же правой руки почти коснулись цветка. Трясущийся, скрюченный от напряжения палец прошёл совсем рядом, в сантиметре от зелёного листика тюльпана. Сергей, шумно выдохнув, свесился за борт ещё ниже. И вот, наконец, лицо его осветилось радостью победы - пальцы Сергея коснулись стебля цветка, он взял его в руку.

Спасательный круг, как колесо, провернулся на своём креплении, слетел со своего места и полетел в воду. Вслед за ним в кулаке со злополучным тюльпаном, мелькнув подошвами туфель, полетел в чёрную морскую воду Сергей. С классическим «киношным», удаляющимся звуком падающего с большой высоты человека:

-«А-а-а!»

Бармен положил на стойку холёную ладонь с запонкой на манжете. Медленно убрал руку. На стойке лежала пачка японских презервативов. Мишель, чуть кивнула, прикрыв лукавые глаза, взяла

«резинки» и направилась к выходу из бара, на палубу к Сергею.

Двигаясь по залу, приподняв правую бровь, Мишель бросила через плечо короткий взгляд в сторону «ЦРУ-шника». Тот уже вставал со своего места, двигаясь ей навстречу. В своей манере, поймав в прицел своего внимания золочёную мишень, парень цепко держал её своим немигающим змеиным взглядом. Поравнявшись с Мишель, он вплотную подошёл к ней, уверенно взял её за локоть. Без улыбки, процедил сквозь щель своего рта на английском:

- Детка, на кой тебе этот слащавый пижон? Остайся со мной, поверь, я сделаю тебя счастливой!

Мишель, глядя в упор на парня, молча улыбнулась, показав ряд своих жемчужных зубов всё той же своей фирменной улыбкой «светской дамы». Медленно освободила свою руку. Отвернувшись от большого животного с золотыми часами. И не торопясь, давая хорошенько рассмотреть свой зад, пошла прочь от него.

Пока двигалась к двери, скосив глаза - сканировала тёмное пространство бара – снова этим своим вороватым, полным осторожности и напряжения взглядом. Переступив порог и закрыв за собой дверь, облегчённо выдохнула, прилепилась к стеклу обнажённой спиной. Мгновение, другое постояла - сделал шаг, второй. Посмотрела направо, глянула налево. Сергея на палубе не было.

Слегка нахмурилась, прошептала сама себе:

- Ну как же так? Он же только что стоял здесь?!

Она немного постояла.

Потом ещё немного. Подбоченилась, выставив роскошное округлое бедро. Недовольно сменила позу, кольхнув всеми своими прелестями. Стояла, переминаясь с ноги на ногу. Зайчики от её туники бегали по синей палубе кругом золотых искорок. Обернулась через плечо в темноту, нахмурила бровки. Губки сложились в недовольную гримаску. Выходить самой из освещённого лампочкой круга почему-то не очень хотелось, она позвала его по имени, на французский манер:

- СерЖ-ж-ж!

Растягивая слова, она проямлила:

- Я не хо-очу в темноту-у! Тут у меня зайчики и тут красиво-о...

Снова ничего. Она в полной уверенности, что он там, стоит в темноте, издевается над ней. Уже по-настоящему обидевшись, серьёзно прокричала:

- Ну и шутки у вас... у русских! – прогневалась современная «Ева».

Капризно топнула ножкой, свободное тело встрепенулось в ответ. Резко крутанулась на носке туфли, коснулась дверной ручки – остановилась. Не оборачиваясь, повела глазами чуть в сторону и вверх

– подождала. Снова всё та же тишина. Красный рот искривился в капризной гримасе, брови сильно нахмурились, нервно толкнула от себя дверь, зашла в бар. С порога вскинула ладошку, приветствуя парня с пронзительным взглядом, махнула изящной линией руки. Сильно вихляя золотым задом, процокала шпильками к его столику. Подойдя к здоровяку, с ходу уселась к нему на колени, подставив свои бултыхающие груди прямо ему под нос.

Мишель, а может быть вовсе и не Мишель, сменила амплуа «Светской дамы с несуществующими престарелыми родителями в каюте», стала играть теперь свою следующую роль. На этот раз - роль «доступной подружки» из своего личного репертуара продажной женщины.

Глядя масляно в глаза «бультерьеру» в голове красотки звуком кассового аппарата дзынькнула мысль: «Чёрт с тобой - сегодня поработаю!»

Головы своей Сергей не чувствовал, её разметал на невидимые осколки ужас! Он превратился в одну огромную, пустую дыру. Его вмиг не стало. Сергей исчез, испарился, растворился!

Не было рук, не было ног, туловища, головы – он исчез, как существо. Всё, что теперь было – это один, стерильной белизны страх.

Сводящее всё нутро, тягостное ощущение полёта, с тошнотным привкусом состояние невесомости. При этом вязкое, стискивающее чувство центра себя.

Стало вдруг горячо-горячо! Неожиданно резко накал жара обратился в обжигающий мороз, лихорадочно затряс всё ощущение себя. То, что обжигало пеклом, теперь жгло жутким морозом. Снова огромная, скрывающая всё-всё целиком, белая, всепоглощающая вспышка. И всё тот же смертельный холод, от которого вмиг заоченело всё и вся.

И вдруг снова жара!

Постепенно, очень медленно белый цвет превратился в зыбкую пелену белого света. Выжигающий жар огня стал постепенно тонким чувством тепла. Вот и пелена, мерцая, становясь то снова плотной белой, то едва заметной, сошла на нет. Тепло постепенно стало прохладой. Ещё через мгновение эта прохлада стала мокрой, противной, холодной солёной морской водой – сознание вернулось.

Захлёбываясь, отплёвываясь, Сергей хрипел, хрюкал, харкал. Солёная до горечи морская вода раздирала всю носоглотку. Горло свело жутким спазмом. Так бывает, когда получаешь резкий удар под дых. Невозможно не вздохнуть и не выдохнуть. Вот и Сергей, сейчас широко разевая рот, сипел и шипел, как старинный паровоз. Только вместо пара изо рта у него вылетал фонтан солёных брызг.

Прочистив горло от соли, он, что есть силы, закричал, заорал диким, страшным голосом, звал на помощь. Водяные водовороты то отталкивали тело Сергея от борта лайнера, то сильно прижимали его к нему, стараясь утянуть в глубину, под корабль. Сергей что есть силы грёб, то уплывал от корабля, то снова стремился к нему.

Безмолвный борт теплохода, оставляя ярко-жёлтые блики света на чёрной воде чередой иллюминаторов, проплывал мимо него в полном своём железном равнодушии. Внутри круглых окошек было так светло, тепло, сухо и так уютно, что красивое лицо Сергея перекосило в жуткой гримасе отчаяния от невозможности вернуться туда, в этот корабельный рай, обратно. Весь этот комфорт и «парадайз» молчаливый гигант увозил сейчас от беспомощно бултыхающегося в темноте Человека.

Как бы прощаясь с Сергеем, лайнер издал протяжный выворачивающий наизнанку душу, вой-гудок. Свет из последнего иллюминатора лизнул перекошенное от ужаса лицо, ставшим сейчас уродливой маской с вытаращенными белками глаз, оскаленным ртом и острыми чертами скул и носа. Жёлтый свет яркими «бликами-издёвками» заплескался на чёрной морской зыби, стал удаляться в темноте. Сергей что есть силы начал грести, дабы угнаться за этими крохотными кусочками жизни на чёрной воде.

Мощный водный поток, раскрученный винтами корабля, подхватил его и с силой потащил, увлекая за собой, прочь от океанского лайнера. Темнота вдруг показалась ему огромным ощерившимся монстром, который вот-вот проглотит его навсегда. А звук паровой трубы воем этого ужаса - торжествующим, полным предвкушения знатной трапезы.

Как бы ни желал Сергей всем сердцем, чтобы всё происходящее как-нибудь благополучно закончилось, реальность оставалась реальностью - он один! Совершенно один, ночью - в открытом океане и без единого шанса спастись!

Упавший вместе с ним спасательный круг, словно став живым как потерявшаяся собачка, испугавшись темноты, никуда не уплыл от человека. Увлекаемый течением воды ткнулся ему в затылок, словно сам искал у него защиты от зева непроглядной тьмы.

Шелест и бульканье водного потока стали утихать.

В расплзающейся вокруг тишине вдруг послышалось как переливается или растекается огромное количество воды, словно невидимый гигантский кашевар стремительно вынул свою огромную поварёшку из такого же здоровенного чана. Следом за звуками плещущейся тоннами воды, разнёсся глухой ухающий вой-гул вперемешку с шипением. Вызывая из глубин человеческого нутра тянущее, скручивающее, противное чувство тошноты в животе.

Неподалёку, в черноте ночи - вынырнул кашалот.

Это сейчас он так угрюмо прозвучал. Это его вой перешёл в звук детского рёва, визга и плача - и грустно затих, шелестя потоками воды по своей огромной чёрной спине. В непроглядной тьме Сергей не видел, откуда идёт этот раздирающий его душу звук. Всё его существо, затрепыхалось, завибрировало от ужаса заполнившего каждую клеточку его брэнного тела.

Душа взметнулась ввысь, прочь...

- ЧАСТЬ ВТОРАЯ -

«РОЖДЕНИЕ»

Сумрак.

Если посмотреть вниз, тьма. Если посмотреть наверх, то сквозь всё тот же сумрак едва-едва пробиваются размазанные пятна слабого света.

Пространство вокруг – темно-серый, с зеленоватым отсветом вязкий, обволакивающий кисель, жижа или субстанция, больше похожая на околоплодные воды младенца.

Тишина.

Звонящая тишина давила тотальным отсутствием звуков. Тиша напряжением вакуума вызывает галлюцинации. Откуда-то издалека донеслось невнятное, чуть слышное гудение, оборвавшись тихим противным «чвак». Снова навалилась, тонко зазвенев ультразвуком, тишина. Опять это далёкое омерзительное чавканье, теперь оно перешло в какое-то утробно-булькающее звучание.

Иллюзия. Зыбкая, эфирная иллюзия звуков. Порождённая вакуумом всепоглощающей, засасывающей в себя тишины!

Вдруг началось движение, медленное, плавное... чуть заметное движение субстанции вокруг.

Слабое свечение вверху, приближаясь, становилось ярче. От света расходились длинные тонкие лучи молочно-белого цвета. Движение становилось быстрее. При этом в центре пучка белых лучей теперь стало видно крохотный, с трудом различимый в переливах света человеческий силуэт. Маленькая тёмная точка с тёмными линиями, похожими на растопыренные руки и ноги. Ещё через мгновение стало отчётливо ясно: движется не субстанция, это двигалось

нечто - туда, наверх, к свету, всё больше набирая скорость. Теперь уже к очень яркому свету и отчётливо видимой фигуре человека.

Всё быстрее, всё стремительнее! Мелькнули мимо, уносясь вниз, маленькие медузы. Зелёная рыбка юркнула в сторону. От большой скорости всё кругом стало одним жемчужным свечением, переливаясь изумрудным оттенком. Человеческая фигура уже рядом, уже вплотную, секунда - и стремительно вырывается из-под воды то, что со скоростью молнии летело наверх.

А-а-а-х!

И чудное голубое небо неожиданно, нестерпимо - ярко навалилось сверху, осветив всё вокруг.

Всплески! Крики! Вопли! Какофония из звуков воды, человеческих возгласов, рваных резких каркающих криков.

Сверху, с воздуха кидается что-то белое вперемешку с тёмным. Кишмя кишит, мельтешит невесть что. Нечто бьётся то ли крыльями, то ли перьями вперемешку с жёлтыми когтями и человеческими пальцами. Всё это блесит от воды на ярком солнце. Брызги! Пена! Вопли!

Наконец через мгновение среди всей этой кутерьмы видно, как одной рукой Сергей отбивается от грязно-жёлтого клюва огромной чайки, другой рукой трёт глаза характерным жестом только что проснувшегося человека. Морская хищница, решив, что в спасательном круге плавает труп, собралась полакомиться, напав на Сергея. Тем самым разбудила и привела его в чувства своей атакой. Сергей, случайным точным ударом попал чайке по крыльям, сбив её в сторону, в воду.

Тяжело дыша, отплёвываясь от мелких перьев, в смешной позе с растопыренными ногами и руками Сергей сидел в ярко-оранжевом спасательном круге, покачиваясь на ласковых всплесках моря.

Куда только хватало взора, переливалась жемчужными бликами изумрудная, морская вода. Небо было столь безукоризненно чисто-голубым, что глядя в него, очень сложно было разобрать, на какой высоте было это самое небо. Если долго смотреть ввысь, взгляд тонул и проваливался в пучине густо-голубого цвета, и сознание теряло ориентацию в пространстве. Нестерпимо ярко-белое солнце, стоящее вертикально над головой в зените, играя на морской зыби, брызгало множеством бликов, от которых у Сергея сильно ломило в глазах.

Закрыв ладонями измученные солнечными вспышками глаза, Сергей сложил их лодочкой на лице, и глядя меж щёлок пальцев, устроил ногами фонтах белых брызг, окончательно отогнав от себя здоровенную, жирную чайку. Вяло, очевидно, уже не в первый раз, муторным голосом он обратился к Богу:

- Господи! Ну, почему?! За что мне всё это? Господи! Помогите! Прошу – помогите... - он вдруг запнулся на своих стенаниях и задумался.

- А меня ведь разбудил какой-то звук. Я что-то слышал, – произнёс вслух Сергей.

Оказавшись в одиночестве, теперь он стал самому себе собеседником. Сам спрашивал и сам отвечал. Напряжённый взгляд его бегал с одного изумрудного холмика волны на другой. Вдруг лицо его озарилось.

Он воскликнул:

- Господи! Чайка! Меня же разбудила чайка! Значит где-то земля!

Сергей неистово завертел головой, и, о чудо!

Качаясь в спасательном круге на морской зыби, то скрываясь от его взора, то снова выныривая из волны, виднелась крохотная гора, торчащая из полоски земли. Даже удалось рассмотреть пальмы, растущие на ней! Сергей воздел руки к небу:

- О! Господи! Спасибо Тебе Господи! Спасибо! Спасибо!

Ликуя, он из последних сил погрёб в сторону суши.

Оказавшись вблизи берега, ощутив под ногами твёрдость дна, Сергей попытался встать. Ноги его не удержали. Выкрикнув – «Ой!», с разинутым ртом ушёл под воду, мелькнув вскинутыми руками.

Сверкая бликами, спокойные, плавные, величавые волны перекачивали толщи воды. Среди всей этой королевской степенности океана, Морской прибой кубарем выкатил Сергея на песок. Оставив человека на суше, вода отступила, и долго не возвращалась. Сергей, чертыхаясь, плевался, тёр глаза от солёной воды.

Ожидая, что сейчас вот-вот снова накроет очередной волной, лёжа перекатился на живот и пополз. Он окончательно выдохся. Широко открыв рот и вытаращив с натуги глаза, грёб песок, сам при этом не особо продвигался. Из рта его доносился хрип, переходящий в сип.

Господь, Море - терпеливо дождались, когда человек отползёт подальше, плюхнуло очередную порцию воды, на этот раз меньшую, чем та, что гостеприимно доставила Сергея на сушу. При этом вода, затекая на песок, обогнула по дуге Сергея. Только тоненькие любопытные ручейки, возвращаясь в своё морское лоно, обтекали сейчас его распростёртое тело, как бы разглядывая - кого это доброе Море так аккуратно доставило сюда к ним в гости.

Прочихавшись наконец от соли, Сергей замер. Немного полежал. Очередная экскурсия ручейков резво пробежала мимо. Чуть погода ещё одна. Его Величество Солнце жарило поверхность пляжа от всей своей горячей души. Сергей всё лежал, потихоньку приходил в себя. «Господи! Я спасён!» Эта мысль буквально подбросила его, он резко сел, опёршись руками на песок.

- Спасибо! Спасибо! Спасибо, Господи! – затараторил «утопающий».

Он снова чуть не бухнулся на спину, потерял опору, воздев сложенные ладошки к небу. Шустро встал на колени, продолжал очень эмоционально шептать слова благодарности Богу. Затих. Прижал ладони к лицу. Дыхание его немного успокоилось. Встал на ноги.

- Ну, что – где тут у нас люди? – вдруг по-хозяйски молвил спасённый.

С этими словами он бодро отправился по белому песку роскошного пляжа. Местность вокруг была дивной красоты. Слева от Сергея шла колоннада пальм с изумрудными верхушками резных листьев. Справа синее-синее море переходило в такой же ультрамарин неба. Впереди него и позади - белый, шелковый, чистейший песок. Сергей разулся и понёс в руках свои тяжёлые, набрякшие водой туфли.

Солнце отражалось от белого песка, не успевая его накалить. Россыпь микроскопических кристалликов кварца приятно щекотали ступни ног. Сергей шёл с блаженной улыбкой на лице. Ему очень нравился этот природный массаж. Матушка Природа, Господь снова с любовью позаботились о нём, доставляя удовольствие его телу. Он уже довольно долго брел по песчаной полосе прибоя. Обходил огромные валуны на берегу. Чтобы преодолеть те, что выдавались в море отвесной стеной, ему приходилось снова заходить в воду и оплывать их. С гиканьем и веселым криком наподдал ногой несколько засохших скорлупок кокосовых орехов. Ветер шумел в кронах пальм, становясь всё сильнее, надувая белым парусом рубашку Сергея.

По-прежнему ярко светло солнце. Небо всё такое же - нестерпимо синего цвета. Чайки изредка «мявкали» высоко-высоко в небе.

Вдруг, он заметил следы на песке. Ликуя, воскликнул:

- Люди! Слав те, Господь! – скороговоркой комкая слова, восторженно закончил Сергей.

Завертев головой, он вдруг заметил, знакомую пальму что склонилась в низком поклоне. Вон там сухая скорлупа кокосового ореха, оставила едва приметную тропинку следа, прокатившись по песку, которую он

так весело футболил. И эти человеческие следы! Вереница следов. Его пронзила мысль: «О, ужас! Я на острове! Я на необитаемом острове!»

Посмотрел на часы, он прикинул в уме: «Я шёл не больше пяти часов». И тут же заорал, вытаращив глаза:

- Я! На маленьком! Крохотном! Необитаемом! Острове! – разделяя слова «Робинзон» вопил что есть мочи.

Ни с того, ни с сего Сергея обуял приступ истерики. Руки взметнулись в синь неба. Туфли полетели в стороны. Постояв мгновение с воздетыми вверх руками, тонкие пальцы схватились за волосы, обхватив голову. Сергей стоял, вперившись взглядом куда-то в пространство, выше горизонта. Сжал кулаки. Меж пальцев торчали и смешно подрагивали на ветерке пучки его белых волос. Как неваляшка, качнулся телом в одну сторону, затем в другую. Страх затряс его тело.

Не разжимая пальцев, вмиг совершенно забыв, что держит себя за волосы, снова вздёрнул руки к небу, выдрав из головы зажатые клочки волос. От причинённой самими себе нестерпимой боли снова заорал что есть мочи:

- А-а-а-а!!!

Резко раскинул руки в стороны, меж растопыренных пальцев вырванные волосы взметнулись в воздухе в разные стороны, подхваченные ветерком, унеслись прочь. Боль физическая перемешалась с нестерпимой, разрывающей тело, болью душевной.

Ещё ничто точно не указывало на необитаемость этой земли. Совершенно неясно и непонятно, почему Сергей решил, что на острове никого нет. Это простое сомнение сейчас не могло посетить его ум. Страх! Страх! Страх! Навалился! Давил, подминал, окутывал, заполнял голову невидным туманом, становясь белой, непроницаемой пеленой ярким белым светом, выключающим сейчас нейрон за нейроном в голове Сергея.

Вдруг в сознании у него что-то вспыхнуло, щёлкнуло, заискрилось, и Сергей, перестав быть сейчас Сергеем, этакий бумажный шаблон человека - перестал себя ощущать. Совершенно неожиданно он сорвался с места и понёсся по песку, сверкая розовыми отмокшими в солёной воде пятками. На его пути был здоровенный валун. Он нёсся прямо на этот камень. Валун всё ближе. Скорость всё выше. Сергей ничего не видел по сторонам. Всё вокруг него слилось в размазанную полосу. Остекленевший взгляд устремлён исключительно на камень, стремительно становясь всё больше и больше в размерах.

Всё так же, не сбавляя скорости, Сергей со всей силы впечатался в гранит камня, со смешным звуком: «Шмяк!»

Обмякшие руки и ноги, обняв камень, как это показывают в мультфильмах, медленно сползли по шершавому каменному боку. Человек картофельным кулём повалился вниз, на песок.

Здесь и сейчас самое время Сергею вспомнить бы свою беседу с батюшкой из маленькой, скособочившейся деревянной часовенки в глухой забайкальской тайге. Как часовня там оказалась, это нам не ведомо, да и неинтересно. Надо сказать, что батюшка хоть и был облачён в рясу и уполномочен всякими своими церковными архиереями или как их там...?

Да и это неважно, а любопытно то, что именно говорил этот Божий человек, какие мысли и идеи носил в своей бородатой голове. А говорил церковник следующее:

- Люди зачастую не склонны думать и взвешивать то, что с ними происходит. Обычно поступки людей - это в чистом виде рефлексия. Простое рефлекторное реагирование на уровне приобретённых инстинктов. Исходя из приобретённых шаблонов поведения и стереотипов в ходе жизни.

Вот и Сергей сейчас превратился в шаблон, рефлексирующий на стереотип – «Необитаемый остров это плохо». А, почему «плохо», по какой причине - он не в состоянии понять и разобраться.

Страх тому причина, сработала простая связка понятий «Плохо - значит страшно». Нас пугает именно это состояние «плохо». Именно страх начисто вырубает наш разум, наше сознание. И вести нас, людей в таком состоянии можно куда угодно, и убедить можно в чём угодно – навязать и внушить любую мысль легче лёгкого.

Напуганные - мы превращаемся в незамысловатое простейшее существо. Как тот же Сергей сейчас - его стереотипы, страхи ткнули его током, как простейшую устрицу, и он, реагируя на животном уровне, дёрнулся в ответ, шарахнувшись бездумно о камень, став на мгновение механическим телом, вместо человека «*Homo sapiens*».

Необычный Батюшка закончил свою мысль:

- Так - пребывая постоянно в животном безотчётном страхе, увы, многие живут, точнее существуют.

Но вернёмся к нашему «убиенному», не ведающему что творящему Сергею. Получив нокаут, тело Сергея лежало без движения. Лицо его всё усыпано и облеплено песчинками. Веки дрогнули. Чувствуя, что солнце светит прямо в глаза, он не спешил открывать их. Теперь ломило от боли, стеноло ещё и всё тело.

Душевных мук, видимо, было недостаточно. Перепуганный Мозг решил довершить картину страданий ещё физическими муками. Сергей весь превратился в пульсирующее, горячее облако боли. Всё так же, не открывая глаз, провёл языком по зубам, проверяя, целы ли. С зубами, к счастью, было всё в порядке. Удар пришёлся в живот. Выступ камня пришёлся прямо-мёхонько под дых. Пошевелил пальцами руки. Двинул ступнями. «Вроде бы цел» - подумал Сергей.

Слушая, как пульсирует в теле боль, он безмолвно лежал и думал: «Я обречен, у меня же совершенно ничего нет, для того чтобы выжить на этом острове. У Робинзона хоть какие-то пожитки были, выброшенные морем с разбитого корабля. У меня же совсем ничего нет! Даже перочинного ножика! Я пропал! Господииии!»

На этой мысли о Боге Сергей открыл глаза.

Лёжа глядя в небо, он увидел, как со стороны моря к солнцу приближалась огромная в полнеба, свинцово-чёрная туча, развевая седыми космами завихрений. Пока он тут бегал, размазывал себя о валун, терял сознание и приходил в себя - ласковый ветерок уже давно стал, словно озлобленным цепным псом – рвано и мощно бросался на человека. Рубашка на груди Сергея испуганно трепетала от шквалистого напора солёного воздуха. Первая крупная водяная виноградина шлёпнулась точнёхенько в нос перепуганного горе-страдальца. Получился этакий щелчок по носу от Господа Бога.

Как это бывает в тропиках, неожиданно и стремительно, мощно вдарил проливной дождь. Вода облегчила мучения Сергея, остудив полыхающий жар боли в его теле.

По-прежнему находясь в полной прострации, Сергей с трудом поднялся, поморщившись, сел. Тугие струи воды уже довольно больно хлестали по плечам и голове, подгоняя его. Встав на четвереньки, собрался было двинуться так, на карачках. Но сильная боль в рёбрах и в мышцах живота скрутила так, что подогнулись руки. Сергей плюхнулся в мокрый песок лицом. Неожиданно «чужим голосом» в сознании его всплыла поговорка: «Дурная голова ногам покоя не даёт».

- Да?! Ага! Посмотрел бы я на вас, как бы вы себя повели в моём положении! - неожиданно выкрикнул Сергей невесть кому и почему-то глянул вверх, в грозовую темень неба.

Моментально воздух разорвал оглушительный грохот. Краски всех предметов в один момент исчезли. Вспышка яркая, белая, буквально все что было вокруг выкрасила в белый цвет. На миг буквально всё вокруг потеряло форму, лишившись своих теней. Молния шаркнула прямо над Сергеем. Втянув голову в плечи, он попытался вскочить.

- Ох ты, чёрт! - непроизвольно вырвалось у Сергея.

Все: море, тучи, пальмы, песок – всё опять стало белого цвета. Окружающее пространство, воздух - разметало в клочья неимоверной силы сухим треском. Словно на небе Творец разрывал какую-то гигантскую холщовую тряпицу. Это был второй, сильнее прежнего электрический разряд. Оглушительной силы сухой звук впечатал Сергея лицом в песок. На этот раз он сам вжался в песчаный грунт, как делает эта большая глупая австралийская птица Страус, словно пытался спрятаться в глубине песка от гнева Господа.

- Господи! Да что я такого сказал? – контужено простонал Сергей.

На зубах снова захрустел ненавистный песок. Сплёвывая песчинки и при этом облизывая губы, Сергей снова и снова доставлял себе в рот очередную порцию скрипучей песчаной смеси.

Уже скрипело в ушах, в голове! Уже противно скрежетали его мозги, как казалось Сергею. Всё больше распаяясь и злясь на ставший омерзительным песок, судорожно дергаясь как заржавевший дровосек из сказки «Волшебник изумрудного города» Сергей, наконец-то смог встать на ноги.

Мощные порывы ветра, беспрепятственно разгоняясь по водной глади океана, словно большие твёрдые ладони, подталкивали в спину и в зад Сергея, задавая ему направление в сторону пальм.

Белобрысая фигура, качаясь двигалась, откинувшись спиной назад. Он словно лежал на могучих струях воздуха. Издалека казалось, что Сергей даже не передвигал ногами. Он словно плыл по воздуху в сторону колоннады пальм. В сторону леса – который здесь, на острове, назывался джунглями.

«Приплыв» наконец к первой пальме, он устало облокотился на шершавый ствол. Жирные дождевые капли чувствительно щёлкали по спине и плечам. Снова боль. Пусть и не такая масштабная, как при ударе о валун, но всё же боль. Сергей, морщась, стонал:

- Господи! Ну, зачем?! За что?! Почему мне постоянно так больно?! Сколько мне ещё терпеть? – помолчал.

- Ну, чего Ты мучаешь меня? Ну, чего Тебе стоит, ну, убей меня прямо сейчас! Прошу Тебя, Господи!

Рядом, в миллиметре от носа Сергея, просвистел зелёный кокос. Мысль пулей прошила напуганный мозг: «Вот чёрт! Эти чёртовы орехи расшибут мне голову!» В метре от него шмякнулось на песок второе ядро молодого неспелого кокоса. Сергей суетливо отпрянул от пальмы, поглядывая вверх и охая, хватаясь за живот, как мог, побежал в чашу джунглей.

Лицо его кривилось в плаксивой гримасе каждый раз, когда он перепрыгивал через бугорки или переползал через толстенные, просто гигантские корни исполина – тропического дерева Тетрамелес. Корни эти, словно толстенные, ожиревшие шупальца титана-осьминога, туго оплетали камни и валуны. Сергею приходилось взбираться сначала на валун, а там ещё перебираться через разбухшие многометровые корни этого чудного дерева.

Куда он тащился, зачем полз, пытался с натуги – этих мыслей в голове Сергея не было. В его мозге было пусто, как в комнате без окон по больничному стерильной с белыми стенами. Он двигался уже на четырёх точках, как новорождённый младенец. Стоя на четвереньках, закидывал свои руки на препятствие, вползал телом, а потом подбирал ноги. Этаким великовозрастный шестимесячный «мальш-переросток».

Взрослый телом – умом при этом не отличался. Больше часа вот так механически полз он несмышлёным человеком по джунглям, и только сейчас его мозг посетила первая мысль: «Пальмы? Э-э-э-э...? Хм?»

Он мысленно спросил сам себя: «А, что пальмы?» Немного промолчал в голове. «А! Пальм рядом больше нет!» - очнулся Сергей. Кокосовая опасность миновала.

«Приборы слежения» - органы чувств, все остальные детали био- скафандра обесточились. Транспортное средство передвижения Души в этой реальности – Тело едва слышно гудело, словно ток в трансформаторной будке. «Робот» замер, как вкопанный. Медленно, обессилено завалился набок на землю. Из правого глаза покатилась слеза, смешиваясь с дождевой водой на лице. Его вдруг прорвало. Сергей зарыдал. Словно какой-то вышедший из строя массивный агрегат колотило и трясло на бешеных оборотах так и рыдания сотрясали обессиленное тело Сергея.

Кругом непролазная зелёная чаща: зелёная трава, позеленевшие стволы деревьев, даже земли не было видно, вся она покрыта зелёными листьями и кое-где из-под них выбивался мох всё того же зелёного цвета. Внушающий покой и умиротворение зелёный цвет (по мнению психологов) обступил Сергея со всех сторон.

Профилактическое действие зелёного - сейчас совсем не действовало на него. Необъяснимый страх, неподконтрольное чувство паники вернуло в окружающую его реальность. Тотальный страх опять навалился на него. Сергей не отдавал себе отчёта, он словно одичал – по-звериному мотал головой из стороны в сторону, ожидая нападения из-за каждого дерева, из-под каждого куста и широкого тропического листа.

Организм, не выдержав такого нечеловеческого психологического напряжения, дал сбой - спазм дикой боли в животе скрутил Сергея. Охнув, он сложился пополам, уткнулся носом в прелые листья. Человек, терзаемый желудочными конвульсиями, извивался ужом, ввинчиваясь головой в перегной, в упавшие ветки, жухлые листья, траву. Разметав головой всю эту флору, Сергей потревожил фауну. Жучки, червячки, паучки, живущие в верхнем слое почвы этих земляных дебрей, вся эта кишачая живность кинулись врассыпную.

Спазм отпустил. Лицо его, густо вымазанное перегнившими листьями, похожее на камуфляж американского разведчика постепенно принимало блаженное выражение. Прислушиваясь, как затихает боль в животе, щекой он всё ещё продолжал медленно тереться о мягкую гниль почвы. Через пару минут Сергей затих.

Вывороченный ёрзаниями Сергея, из-под листьев, извиваясь точно таким же движениями, как минуту назад он сам, к носу его приполз большой, жирный белый червяк. Лицо переёрнула взметнувшаяся из живота волна отвращения. Но голод сильнее рассудка, Сергей взял пальцами склизкого червяка, стал рассматривать это извивающееся блестящее радугой существо.

Не в силах больше смотреть на всю эту божественную красоту переливов сопливого тела, зажмурился, и резким движением, засунул червяка в рот. Grimаса омерзения исказила страдальческое лицо. Рвотный позыв вывернул содержимое его и без того пустого желудка.

- Какой же идиот этот Санчес! Как это дерьмо может быть вкусным! - выпалил зло Сергей.

Он бешено плевался, запихнул в рот палец, вычищая язык и зубы от противной слизи. Звонко шлёпая скользкими ладонями себя по лицу. Ему мерещилось, что омерзительная слизь растеклась везде: по губам, по щекам, по лбу и глазам. Зайдясь в истерику, в порыве отвращения так увлекся, что стал колотить себя по щекам кулаками.

Остановился, когда снова почувствовал острую боль. Слезы градом хлынули из глаз: от боли, от обиды, от страха! Вся эта свистопляска эмоций рвала на части душу Сергея. Сидя на земле, он рыдал, выл, воздев лицо к небу. Постепенно лицо опускалось. Ниже и ниже. Пока голова совсем не повисла белым кочаном, меж костылей острых плеч.

Ливень всё не прекращался. С тоненьким свистом триллионы водяных крупных жемчужин, в просвет меж крон деревьев, долетали сюда и увесисто звонко щёлкали по листьям и белобрысой макушке Сергея.

С неба лились потоки воды, словно суша и море поменялось местами. Как будто Море было теперь наверху, и кто-то могучий кренил и переворачивал море, словно повар громадный чан, и вода стремилась вниз циклопическими потоками и струями. Вода всё лилась и лилась без остановки. Организм Сергея при этом продолжал выкидывать непредсказуемые фортели. Всё пространство вокруг было туго напитано влагой, а тело Сергея горело и жгло изнутри - от него пошёл пар. Теперь жажда иссушала всё нутро бедолаги.

Он подставил лицо дождю, хватал разинутым ртом жалящие дождевые капли, пытаясь напиться хотя бы ими. Влага этой было мало, и доставалась она слишком больно. «Жемчужины» норовили ужалить точнёхенько в глаз. Сергей попытался пить воду с листьев, но его колотила нервная дрожь. Трясущимися руками он больше сбивал скопившуюся воду с листьев, так и не успев, как следует, напиться.

Дождь закончился так же неожиданно, как и начался. Только что вода давила и гудела потоком, и вдруг дождь «выключили». Через мгновение первый луч солнца разлетелся множеством радужных бликов от хрустальной капельки воды на зелёном листе.

Всё ещё терзаемый жуткой жаждой, Сергей впал в полное отчаяние. Наждачная шкурка шершавого языка прошла по пересохшим губам, успевшим уже потрескаться от солёной воды и солнца. Сергей произнёс:

- Господи! Как же дико хочется пить!

«Пить, пить, пить» - отозвалось дробными молоточками эхо в его голове. Вдруг он заметил, что дождь закончился, а шум воды продолжался. Где-то вдалеке явно шумела вода. Он замер, определяя направление звука. У Сергея словно открылось второе дыхание, с ещё большим остервенением принялся раздирать заросли и лианы. Он буквально выкатился кубарем на край огромной поляны, зацепившись ногой за торчащий из земли корень. От этого кульбита, от голода и усталости у него резко помутилось в голове. Потирая ушибленное плечо, «навёл фокус», делая чётче резкость своего зрения и картинки, что расплылась сейчас у него перед глазами.

Яркие, цветные, размытые пятна постепенно стали пейзажем потрясающего вида. Поляна вся залита солнечным светом. «Праздник цвета» с трудом можно было назвать земным. Сергей словно очутился в инопланетном мире, отечественного мультика про Алису Селезнёву

«Тайна третьей планеты». Растительность изумляла своими причудливыми формами. Цвета неестественно яркие и очень разные. Некоторые кусты были даже фиолетового и синего цвета. По ярко-изумрудной траве разбросаны неестественно крупные соцветия цветов.

Лепестки светло-жёлтые, белые, розовые, светло-голубые. Среди них ярко-красными точками всю поляну выпестрели крохотные алые цветочки.

Мириады цветочных бутонов и лепестков. Выражение «красочный фейерверк» очень походило для этой яркой картины. Остров празднично нарядился, как мог – ярко, во все цвета радуги, приветствуя своего долгожданного гостя.

Где-то высоко контрабасом «угукнул» птичий дирижёр, дал команду птичьему оркестру. И, невидимые птицы ждавшие появления Сергея, дружно запели, засвистели, весело зачирикали торжественно-приветственную мелодию. Неподалёку в изумруде травы светлым пятном раскинулся искрящийся кристалликами на солнце белый песок. Тут же была устремлённая ввысь отвесная белая скала и большие камни валуны у её подножия, о покатые бока которых разбивался миллионом бриллиантовых капель небольшой пресный водопад.

Сергей молча, тяжело сопя словно дикий кабанчик, бросился к воде. Слёту вбежал в воду, упал, раскинув руки в стороны. Лежал в чистой воде и жадно пил, и пил, и пил. Вдруг в голове, вскинулась мысль - красной табличкой с белыми буквами: «Так! Стоп! Сразу пить много - нельзя!»

С трудом оторвавшись от воды, перевернулся на спину. Лежал на мелководе, медленно разводил руки и ноги в стороны, наслаждаясь «морем» пресной воды, постепенно замер с блаженной миной на лице.

Состояние эйфории прервал какой-то глухой звук. Сергей поднял голову, осмотрелся - звук не повторился. Он снова собирался было опустить голову в воду, в этот момент звук повторился ещё громче, чем в первый раз. Шумно с брызгами Сергей вскочил на ноги, завертел головой.

Никого и тишина.

Теперь, когда он услышал этот звук во второй раз, сомнений быть не могло, что-то, или кто-то в зарослях точно есть. Глухой звук он слышал отчётливо. Сергей медленно начал вышагивать кругами близ водопада, удаляясь от него всё дальше постепенно приближаясь к зарослям джунглей.

- Твою мать! Да, кто здесь?! Выходи! - психанул Сергей.

Стресс снова взметнулся адреналином в голове.

За последние сутки сознание его измученное обилием страхов уже с трудом справлялось с нагрузками. И сейчас оно просто вырубилось. Сергей весь превратился в бездумную механическую пружину. Мозг взял на себя инициативу – дал команду рукам и ногам, первые бесстрашно растопырились, вторые чуть согнулись в коленях – Сергей присел, готовясь к нападению неизвестного.

- Ну, что?! Чего Ты там сидишь?! Давай! Нападай! - трусливо визжал, брызжа слюной Сергей, устремив свой пылающий взор в чашу джунглей.

Неожиданно у него за спиной послышался громкий шелест, завершившийся знакомым глухим «ухом»: «Ух-буб!».

Сергей зажмурился, вжал голову в плечи от столь близкого звука, резво обернулся и вслепую кинулся на этот пугающий «ух-буб». Тут же покатился по траве, споткнувшись обо что-то большое. Быстро вскочил на ноги и что есть силы, и ничего не видя перед собой, замолотил в воздухе руками. Секунда. Другая. Открыв глаза, Сергей автоматически махнул кулаками ещё пару раз и руки лишённые силы, повисли плетьюми.

Опустил взгляд. У ног его лежала большая гроздь жёлтых бананов. Задев ветки и листья, она только что рухнула с пальмы. Тропический ливень и штормовой ветер потревожил перезревшие плоды, и они начали гроздьями, падать одна за другой в поле зрения Сергея.

Лицо «героя» озарилось счастьем. Ноги при этом подкосились, он снова шмякнулся лицом в песок, едва успев выставить руки перед собой.

- Ура-а-а-а! Я спасён от голодной смерти! – плюясь от песка, смешно виляя задом, он приполз на четырёх точках к банановой грозди.

Трясущимися руками оторвал сразу два банана и чуть ли не со шкуркой, кусая большими кусками, запихнул бананы стремительно в рот. Жуя сладкую, пахучую банановую плоть, лёжа на боку, трясущимися руками тут же оторвал ещё парочку, уже спокойнее очистил их от кожуры и ещё спокойнее и по очереди сжевал их. Уняв приступ голода, Сергей принялся стаскивать все ветки бананов, которые видел вокруг себя под небольшой каменный навес в скале, рядом с водопадом.

Гость острова явно расслабился.

С момента падения за борт Сергей впервые успокоился. Он начал замечать перелёты с пальмы на пальму роскошных попугаев. Цветные птицы шумно хлопали крыльями в полёте, выгибали свои жёлтые хохолки и важно выпячивали свои цветные грудки. Красуясь, толи перед человеком, толи друг перед другом. Сергей перевёл взгляд на огромные цветы фантастических расцветок, затем на ярко-голубое небо. Лианы уже теперь не казались ему столь уж дремучими и опасными змеями. Не переставая набивать своё пузо бананами, вольготно развалившись на белом песке, он любовался окружающей феерией красок.

Лёжа на спине, взгляд Сергея упёрся в скалу, с которой падала прозрачная вода. Смакуя очередной банан, он вдруг перестал жевать. Медленно приподнялся на локте и долго заворочено уставился в одну точку. Внимательное лицо его слегка наклонилось вбок, как бы приравниваясь к чему-то. (Так смотрят на картины в художественных галереях)

Потом голова его наклонилась в другую сторону. Изумлённый взгляд его был устремлён в отвесную скалу с водопадом. Тени на складках белого известняка, по мере движения солнца, постепенно становились большим, во всю стену профилем лица человека. Причём по утончённым, изящным чертам ясно видно, что профиль этот принадлежит женщине. Лицо поднято вверх к небу, глаза женщины закрыты, линия губ передавала покой и умиротворение.

Падающая с высоты вода довершала образ – делала его живым. Струи воды намочили каменную породу, и на контрасте сухого и мокрого камня очень явственно, с фотографической точностью виден рисунок волос женщины. Тонкие извилистые ручейки воды, являли собой отдельные волоски вьющихся прядей. Те же потоки воды, что не касались камней, разлетаясь миллионом брызг, придавали изображению объёмность. Создавалось впечатление, что волосы девушки развеваются на ветру.

Волшебное видение продолжалось не больше пяти-шести минут - заходящее за горизонт солнце начало скрываться за пальмами. По мере того как на породе известняка вместе с солнцем исчезали яркие пятна, блики, тени и полутона – божественный образ женщины растаял.

«Дзы-ы-ын-ь-ь!» - едва слышно что-то «дзынькнуло» в воздухе, совсем рядом с бело-брысой макушкой Сергея. Проплывающий тонкий запах ландышей, плавно сменился зыбким ароматом свежей клубники. Цветочно-фруктовые «мимозы» окутали Сергея с головы до ног. Сердце застучало-заухало в груди, поднялось в голову и снова упало, застряв в гортани пульсирующими туками. Нега, щекочущая радость и лёгкость летних мотыльков вспорхнули где-то в животе его, перемешиваясь с едва уловимым волнением - Сергей влюбился - сильно и бесповоротно!

Поражённый, покорённый, влюблённый в необычное природное явление - Мужчина надолго заворочено замер перед водопадом в позе лотоса, позабыв о своих бананах. Уже стемнело, солнышко упало не только за верхушки пальм, но и дальше, за краешек Планеты.

Небо стало синевать. Вскоре небосвод совсем стал синим, фиолетовым, густо-синим, наконец, и вовсе лиловым.

Множество солнц далёких галактик, счёта которым нет, проступили в черноте неба россыпью ярких звёзд.

Вспомнилась вдруг, вынырнула из розового тумана сознания Сергея картинка-воспоминание, из его студенческой юности.

Его возвращение с летней практики, из подмосковного города. На вокзале прощался с девушкой, первой своей связью, первой физической страстью.

Рядом с ними стояла сестра его возлюбленной. «Дарила» Сергею взгляды полные укоризны и неприязни к нему. Закончив пыльные и короткие объятия под прицелом сестры у входа в вагон, оказался на жёстком сидении старой замызганной электрички.

Казалось бы, он сел в поезд. Сел, чтобы ехать, но движение поезда случилось почему-то «Вдруг!» Совершенно «вдруг» и «неожиданно» перрон за окном медленно, едва заметно начал двигаться. Снова этот удушающий ком, складывающий тело пополам. Ком в солнечном сплетении, как там, в машине во время их пути на вокзал. На заднем сидении машины они сидели каждый у своего окна. Его рука и её лежали чётко посередине автомобильного дивана. Кисти рук побелели от боли. До побелевших костяшек их ладони сцепились, казалось намертво.

И он, и она всё стискивали и стискивали пальцы друг другу – не замечая боли – стеклянным взглядом следя за пёстрой лентой тротуара за окном.

Хлоп! И «картинка» ушла. И Сергей... снова... в вагоне...

Выдохнуть можно, но набрать воздуха не получается. Снова вдруг - Сергей заметил, что как-то совсем дико, по-звериному, часто дышит. Судорожные, жадные, быстрые, короткие вдохи.

И какое-то странное раздвоение в голове. Сознание не может сделать и «вздоха», «ком» расплзался от живота и выше по груди, подступал к горлу, лицу, уже вот-вот поглотит голову. С мозгом тоже что-то происходило – «картинка» расплывалась - мозг начал туманиться. Тело же при этом что есть силы спасало себя, старалось накачать себя кислородом – остервенело пыталось надышаться через рот и нос.

При этом медленно, как толстый удав, в сознание начала «вползать» паника. Кисти рук начали отбивать какой-то беспорядочный ритм по коленям. Паника нарастала. Ба-бах! В голову обрушился жуткий страх!

В голове Сергея взорвался вопрос: «Что?! Что я тут делаю?! Почему я здесь? Почему в вагоне?!»

Тут же молнией шарахнул второй вопрос: «Зачем?! Почему я сижу?»,

«Поезд же едет... и всё быстрее..!», «... почему я должен...» - ошмётки мыслей, вспыхивали в мозгу и резко и рвано исчезали.

Из солнечного сплетения потянулась резинка: «Почему резинка?»

«Почему резинка?» - дважды пронеслось в голове. «Ведь нить - будет правильнее!» - бубнил мозг. Не ответив сам себе на этот вопрос, Сергей остро, всем телом почувствовал, как эта резинка натягивается... растягивается... тянет!!!

Мыслей не было. Вопросов тоже. Было стойкое, физическое ощущение растягивающийся резинки, один конец которой был в нём, другой конец оставался там, на перроне, у любимой, в груди Наташи.

Поезд растягивал её своим движением - девушка, оставаясь на вокзале, двигаясь в противоположную сторону, натягивала резинку в свою... сторону...

Вдруг в голове снова резануло: «Хмм, почему резинка? Почему всё же резинка? Какое-то глупое, совершенно дурацкое слово «резинка»!

Но мысль эта не сбила накала. Ощущение не прошло. Ещё мощнее поглощало, вбирало, вытягивало Сергея в себя это противное натяжение. Явственное, сильное физическое ощущение чувства «Тянущего притяжения».

И снова...

Вторая волна, уже не паники и страха - теперь охватил ужас! Тело стало потряхивать, взгляд заметался по окнам: «Вдруг Она, моя драгоценная, где-то там, всё ещё на перроне среди людей!» Снова не хватает воздуха! Сергей на мгновение закрыл глаза, откинулся в кресле, запрокинув голову.

В ужасе, с мыслью, что вдруг не увидит, пропустит Её там за окном - снова открыл глаза! Снова хищный орлиный взгляд по лениво проплывающим фонарным столбам за мутно-ржавым вагонным стеклом.

«Почему?! Почему я должен здесь сидеть?!» - эта мысль кромсала мозги. Теперь заныло в животе, ощущение судороги поползло вниз, к низу живота. Рук и ног - нет. Сергей весь превратился в одно ощущение

- живота. Он стал целиком животом с ноющей, сводящей, скручивающей болью. Снова эта стискивающая нутро невозможность продохнуть.

«Ну, как же так?! Ну, почему? Почему я должен Её терять?!» - очередная мысль бабахнула, оглушила взрывом голову! От жуткого грохота мыслей, словно грохочущих чугунных паровозных колёс по железному мосту, Человек зажмурился и обхватил голову ладонями.

Взрывная волна медленно рассеивалась, вернула Сергея в состояние человека - появились руки, ноги, голова - облегчения не наступило. Нахлынула тупая обволакивающая боль – везде. Дыхание судорожное, взгляд... (или это было видение, или... неизвестно что...) Сергей «увидел» свой взгляд, своё лицо со стороны - вытаращенные глаза, истеричный, дикого животного взор. «Ужасное зрелище» - растворилась мысль в мозге, успев едва появиться. «Как и само видение» - вильнула вторая мысль.

Вдруг пришло следующее ощущение - отсутствие ног. «Вот так противоречие!» - подумалось Сергею - «Целый ворох мыслей о том, что же я сижу, носится роem в голове, и при этом я не сделал ни одной попытки вскочить, подняться, устремиться к окну, чтобы хоть напоследок увидеть её синие глаза, взгляд от которого перехватывает в горле». Его нижняя часть тела стала вагонной скамейкой, на которой он сидел. И ни намёка на слёзы. Тотальная грусть. Чувство одиночества, трудно терпимое, раздирающее мозг, грудь, солнечное сплетение. Невыносимо! Ощущение горя! То горе, которое он испытал, когда узнал, что у них в детдоме пьяный кочегар, Руську зарубил топором...

На острове - здесь и сейчас не было той дикой вокзальной страсти. Сейчас было совершенно иное ощущение. Сергей утонул в пушистом пухе глубокого, всепоглощающего, и уводящего в покой умиротворения. Тёмная фигура его всё сидела у водопада. В голове, в теле, в ощущении себя - раз за разом, словно огромное облако накрывала волна нежного ощущения любви, идущее от каменного образа женщины, накрывшее его с головой. В своей звенящей тонкости, зыбкости совсем не похожее на то, отчасти звериное, с массивной животной страстью и от того раздавливая тело - ощущение на вокзале.

Да! Совершенно верно, то была юношеская страсть физического тела - такая грубая, такая жёсткая, не имеющая ничего общего с этим, божественным, волшебным обволакивающим зыбкой пеленой с клубничным ароматом негой. Покоем. Истиной Любовью. Желание одарить, поблагодарить – буквально рвалось из груди.

Запрокинув голову, Человек неотрывно всматривался в мерцание света далёких созвездий. Светила чьих-то солнечных систем, звёзды с любопытством рассматривали тёмную фигурку человека, сидящего вблизи падающей со скалы воды. Изредка он прикрывал глаза, чувствуя очередную волну нежности, вспоминая и вспоминая женщину с водяными волосами.

Его разум захватил даже не образ, не плавные и красивые линии восхитительного лица женщины – сознание Сергея пребывало в истоме и сладости, от силы и нежности той энергии, что шла от её волшебного лика. Устав сидеть с запрокинутой головой, Сергей растянулся на тёплом песке, подложив под голову руки. Умиротворение потекло по измученному телу. Яркие точки в тёмном небе дрогнули, исказились, чуть поплыли - словно изображение стало зыбкой водой, в которую угодил камешек. Сергей уснул.

Ранее утро.

С берега сюда, в джунгли, доносилось свежее дыхание океана. Лицо Сергея как у древнего, мудрого вожака племени краснокожих – не выражало никаких эмоций. Он сидел под каменным навесом недалеко от водопада и смотрел прямо перед собой. Ночью, озябнув, нарвав больших листьев банановых пальм, укутался в них, забравшись сюда, под каменный навес.

Сейчас, посидев в позе «думающего индейца», он медленно встал и всё так же медленно скрылся в чаще джунглей. Шагая по острову, он находил несметное количество ягод, фруктов

без устали, на ходу запихивая все эти спелые вкусности в рот. Животные, заслышав его приближение, явно знакомые с человеком, уносились прочь. Птицы возносились в небо, перелетали на другие, дальние ветки.

Сергей открывал для себя всю прелесть этого райского места – необитаемого острова. Задумчиво, глядя на всю эту бегающую и порхающую живность, произнес:

- Ну, прямо Ноев ковчег какой-то. Прямо каждой твари по паре, - закончил Сергей библейской цитатой, удивлённо осматриваясь по сторонам, медленно вращая запрокинутой головой.

Маленькая фигурка Сергея вышла из джунглей на белоснежный берег. Прибой шумел и пенился. Крепкий ветер теребил его белые парусиновые штанины. Всё так же нестерпимо ярко парило светом солнце. С прокисшим как простокваша лицом Сергей тяжело осел на песок, потом завалился на бок, поджав колени и руки к груди, положив ладонь под щёку – тихо лежал на боку. Ему было жарко, но вставать не хотелось.

Он тих, настроение у него ровное, но не более. Апатия. Депрессия навалилась туго и глухо. По "ткани" его безграничного сознания судорогами разбежались импульсы острыми и колкими складками, похожие на сухие морщины. Они отзывались болью в уме. Ум агрессивно командовал мозгом. Мозг суетился, избыточно переполнял кровь адреналином, пичкая голову болезненными туками крови во лбу и в висках - делал голову чугунно-тяжёлой. Тело его, тоже содрогалось под гнётом этого трудно переносимого чувства - одиночества, ибо он так и не нашёл для себя главного – людей, или хотя бы следов их присутствия. Ноющим тоном капризного ребёнка Сергей промямлил:

- Ну, где же люди? А..? Господи?

От виска по щеке пробежала струйка пота. Зрачки глаз отсутствующе блуждали. Неожиданно брови чуть нахмурились, взгляд прикованных к чему-то глаз стал встревожено-удивлённым. Сергей приподнял голову, резко отпрянул от песка, быстро сел, встал на одно колено, как спортсмен на старте. Секунду, замерев в такой позе, через мгновение вскочил на ноги.

На небольшом песчаном бархане, на тёмном фоне груды здоровенных камней, в жарком мареве песка колыхался силуэт Женщины, в лёгком белом платье, развевающимся на ветру. Платье без рукавов, тонкая талия перехвачена пояском, юбка плиссированная. Руки женщины сцеплены за головой, лицо подставлено к солнцу. Сергей, не веря в своё счастье, стремительно сорвался с места, понёсся в сторону женщины. Размахивая руками, горланя во всё горло:

-Эге-ге-ге-ей!!!

Издали с моря видно, как белым пятнышком Сергей летел по белой полосе песка, не чуя под собой ног. Вдруг бег Сергея сменился шагом, а через несколько секунд он вообще остановился столбом. Стоял, не шелохнувшись. Смотрел прямо перед собой.

Глаза полные горя! Неожиданно издав нечеловеческий вой-рык, переходящий в стон, ноги Сергея подогнулись, упал сначала на колени, затем уткнувшись лицом в ладони, свалился замертво в жар песка. Спина его содрогалась от рыданий. Из-за трясущейся спины стало видно то, что лишило его сил.

Сильный порыв ветра с моря колыхнул стоячее марево раскалённого песка, унеся жар в сторону. Размытый туман цветных пятен постепенно растаял. Стало отчётливо видно взметнувшуюся вверх большую корягу. На ней, развевающийся на ветру кусок белой рыбацкой сети. Солнце, ветер и морская вода выбелили древесину коряги и превратили длинные ветки в белые изящные вскинутые за головой женские руки. Маревое от песка смазало изображение, а изображение в изменившемся от стресса сознании Сергея дорисовало образ женщины.

Господь, как это было всегда на протяжении всей жизни Сергея, исполнил и эту его просьбу. Услышав его мольбы о людях - как мог, исходя из предложенных обстоятельств, соблюдая собственные законы мироздания - исполнил желание своего главного Творения. Подарил Человеку иллюзию, человеческий образ, стремясь успокоить своего подопечного.

Сергей же - как это принято у людей, терзаемый шаблонами человеческого восприятия – принял эту заботу Всевышнего как издёвку над ним. Как удар и нечеловеческие испытания, посланные небом.

Чайки лениво крикали, кружились в горячем тропическом воздухе. Светило яркое солнце, делая лазоревым чистое небо. Нежно шелестели набегающие струи морской воды.

Нега.

Всё было – хорошо.

- ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ-

«ЮНОСТЬ»

Тишина.

Тихий шорох какой-то проснувшейся мелкой живности прощуршал вдалеке и снова тишина. Парочка листочков, медленно кружась, собирались соприкоснуться с травой. Сначала шёлково прошелестел один, за ним второй листочек тихонечко прошептал свою историю полёта, коснувшись травы. Тишина раннего утра. Стало уже совсем светло, вот-вот должно было взойти светило. Мгновение, и вот наша звезда – солнце, появилось из моря, окрасив острые кончики листьев на верхушках пальм розовым.

Чуть поодаль от водопада, в тени деревьев виднелся шалаш из широких листьев банановой пальмы. У входа в шалаш, рядом с костровищем частоколом воткнуты в песок три толстые сухие палки. Рядом с палками валялся камень размером с ладонь с острым, как бритва краем. На палках нацарапаны поперечные насечки.

На палке у входа в шалаш их было процарапано 18 штук. Три-четыре насечки были явно свежими. На второй палке, торчавшей криво, 31 царапина. На третьей - 14 штук. Цвет древесины в насечках белёсо-серый, такой же как и вся дравина. Очевидно, что они сделаны довольно давно. Рядом на траве валялась четвёртая палка, совершенно чистая, без насечек.

Возле шалаша мерно и важно вышагивал большой попугай Какаду.

За ним волочилась подобие верёвочки из тонкой лианы. Один конец верёвочки был привязан к лапке попугая, другой крепился к вбитому кольшку возле входа в шалаш. Вдруг в шалаше послышалось шуршание и возня. Попугай встрепенулся, крутанул головой, широко, цветным веером выгнул холку на голове и вдруг скрипучим, резким звуком выдал фразу:

- Добр-р-рое утр-р-р-о!

Из хлипкого шалаша появилось заспанное лицо Сергея. Отодвинув циновку из тонких полосок, всё той же банановой пальмы Сергей выбрался наружу.

Сладко, долго и широко во весь рот, издав смешной звук «кряк» - зевнув. Через секунду он произнёс:

- Привет, Шарик! Как служба? Всё тихо?

Попугай трескуче отчеканил заученную фразу:

- Всё будет хор-р-р-ошо!

Сергей усмехнулся, ответил «будильнику»:

- Вот и славно! Вот и хорошо!

Всё ещё просыпаясь сонным движением, потёр глаза. Взъерошенные волосы его не заботили. Жутко грязные манжеты и воротник измятой рубахи изрядно истрёпанной, тоже его не волновали. Немного посидев у входа в шалаш, подперев руками голову, Сергей встал на четыре точки, и на четвереньках снова скрылся в шалаше.

Через некоторое время выполз из своего убого жилища с луком, и деревянными стрелами, без наконечников, заострёнными видимо всё тем же камнем с острым краем. Проверил пальцем у парочки деревяшек остриё, как это делают, проверяя заточку ножа. Чуть помедлив, энергично почесался в неприличном месте. Тяжело и глубоко вздохнул. Чуть постоял, задрал голову в небо. Снова шумно выдохнул - Сергей отправился на охоту.

Охотник шёл по джунглям по тропинке им же натопанной.

Прогулка была по душе. Сопя какой-то лёгкий мотивчик, шёл уже довольно долго. Джунгли парили тяжёлой влагой. Пока ничего съестного на глаза так и не попало.

Неожиданно, путь его стремительно пересекла парочка зайцев и уселась чуть поодаль под развесистым кустом. Сергей быстро вложил стрелу в тетиву; за пару месяцев проведённых на охоте, реакция его обострилась. Вдруг он признал длинноухих:

- Нет-нет! С меня хватит! Позавчера, я за вами гонялся, вчера... хватит с меня! Я вам не гончая носиться за вами. Три дня ловить вас это уж слишком! Кыш!

Сергей сделал шаг в сторону зайцев, резко вскинул лук стараясь вспугнуть серых. Те, даже не шелохнулись. Сидели и что-то грызли под кустом. Он чуть постоял. Громко «ухнув» резко дёрнулся в сторону косых, взмахнул двумя руками. Зайцы, будто слепые и глухие, теперь мирно тёрлись мордочками друг о дружку. Только длинные ушки встали торчком и снова улеглись на серую с рыжими подпалинами шёрстку спины.

- Да идите вы отсюда! Что за чёрт! Откуда тут, в тропиках вообще зайцы?! - Сергей снова резко дёрнулся в их сторону, русаки сидели как приклеенные возле куста.

Он, молча, натянул тетиву. С тоненьким свистом стрела улетела в сторону заячьих тушек. Но характерного глухого звука, когда стрела попадала в цель, не было. Сергей понял что промахнулся, нервно воскликнул:

- Да быть такого не может! Зайцы и вправду исчезли!

Сергей недовольно «хмыкнул». В нём тут же проснулся азарт охотника, ринулся в заросли папоротника. Оказалось, что никуда эти мелкие зверушки не делись. Они снова сидели тут же, в метре от стрелы, торчавшей в земле. Зайцы, завидев совсем уж рядом Сергея, как и положено им по природе, кинулись петлять.

Папоротник в этом месте рос на светлом грунте довольно редко. Тёмные фигурки очень хорошо «читались» на светлом фоне. И ещё это были какие-то «неправильные зайцы». Отбежав чуть в сторону, они тут же снова садились и снова начинали свои заячьи посиделки. Тёрлись мордочками, перепрыгивали друг через дружку, резвились - словно грязный человек с палкой в руках вовсе не преследовал их. Проявляли в высшей степени беспечность – поэтому Сергей назвал их «неправильными зайцами».

- Зайцы дураки какие-то! Нет, чтоб уносить ноги, сидят, ждут чего-то... Какие-то квёлые они сегодня. В первый день шустрее были. Вчера медленные, а сегодня совсем, еле лапы передвигают... странно, - Сергей вёл уже привычную беседу сам собою.

Зайцы своими перебежками снова, как и в прежние дни уводили Человека далеко от места его ночёвок, как бы заманивая его куда-то. По этой части острова Сергей ещё никогда не ходил. Он ступал, озираясь по сторонам, разглядывая новую для себя местность.

Папоротник сменился мелкими кустиками. Деревьев не много и всё невысокие. Под ногами у него опять закрипел белый морской песок. Снова приметил зайцев. Стоило охотнику прицелиться и отпустить тетиву, как тут же Заячий Бог, если таковой имелся, как будто давал шлепка длинноухим, и они мгновенно срывались с места. Стрела вонзалась буквально в то самое место, где только что сидел серый. Сергей возмущённо воскликнул:

- Мистика какая-то! Что за чёрт!

Сердце бешено колотилось, бежать за шустриками по пересечённой местности, даже для Сергея проводившего на охоте каждый день - нелёгкое дело. В висках пульсировало, от испарений джунглей дышалось тяжело. Пот застилал глаза. Напряжение росло. Если бы в кино показывали подобную сцену, сейчас бы обязательно зазвучала очень напряжённая музыка, наводящая зрителя на самые разные тревожные мысли.

Под финал этой виртуальной, страшной музыкальной композиции, Сергей вдруг чувствовал, что слишком уж рыхлый какой-то песок у него под ногами - он увяз уже по самые щиколотки. Сделал попытку вытащить одну ногу, вторая тут же начала погружаться ещё глубже. Сергей запаниковал, его пронзила какая-то страшная мысль. И тут уже в голос он завопил что есть мочи:

- Господи! Да откуда же здесь - зыбучие пески?! Это же не пустыня! За что мне такая смерть? Господи! Какого хрена ты меня так долго мучил? Зачем? Чтобы вот так со мной расквитаться и покарать...

Вдруг Сергей запнулся. Мгновение, что-то покумекал в голове, снова произнёс плачущим голосом:

- Ой-ой! Прости-прости меня Господи! Прости меня неучтливого! Освободи меня - прошу! Я больше не буду на Тебя ругаться! Только отпусти! Спаси!

Тело Сергея медленно и неизбежно уходило в грунт. Песок забрался уже выше колен. Затем ещё дальше, уже до пояса. Сергей кричал, плакал, причитал, просил, угрожал. И снова просил, теперь уже прощения за грехи свои и свою неучтливость к Богу. Через короткую паузу, череда воплей снова повторилась. Он снова стenal, что вот оказывается какой его конец!

Борясь с песком, он попытался распластаться телом как это делают на болоте или провалившись под лёд, но и это не спасало его. В этот момент музыка в кинофильме была бы лиричная, медленная, «добрая» и ободряющая.

Вдруг откуда ни возьмись, появилась та самая парочка серых. Совсем обнаглев, они сели чуть ли не у самой головы Сергея. Он не сразу увидел их. Зайцы словно сидели и ждали, скроется человек в песке или нет – неотрывно, пристально, как под гипнозом удава смотрели на Сергея. Заметив косых, Сергей выразился непечатным словом.

Резко дёрнулся в их сторону, а тем хоть бы хны - как сидели, так и остались приклеенные к своему месту, рядом с утопающим человеком. Он злобно плюнул в зайцев с досады. Но и слюна полная яду, припечатавшись в песок возле лапок косых, ничуть их не смутила.

Сергей по-прежнему медленно и безупречно, скрывался в сыпучем грунте словно чайная ложка, случайно соскользнувшая со стеклянного края банки, упавшая в домашний густой вишнёвый джем. Песок уже доходил ему до груди. Паника возросла, дошла до своего пика!

Вмиг забыв о зайцах, Сергей ничего не соображая уже визжал как поросёнок в плохих руках коновала*.

Вдруг! Сергей заметил, что движение вниз прекратилось. Испуганно вращая вытарашенными глазами, он напряжённо молчал, словно пытался различить звук движения кристалликов песка... Тишина. На лице у него медленно появилось выражение облегчения, он произнёс.

- Спасибо Гос... !

В этот самый момент он резко, на полуслове, мелькнув в воздухе руками, скрылся под слоем песка, провалившись с головой. Музыка в фильме «блямкнув» напоследок весёлым аккордом - смолка.

«Зайчики инспекторы» исправно выполнив свою работу, не торопясь перебирая лапками по песку, повернули свои жирные зады, сделали резкий скачёр, разок и ещё разок – скрылись в ближайших кустах. Дело – сделано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.